

ВОСПОМИНАНИЯ ШТАБС-КАПИТАНА В.М. МОЛЧАНОВА О РУССКОЙ АРМИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ



Юрий Анатольевич ПАВЛОВ, аспирант Института истории ДВО РАН

Викторин Михайлович Молчанов (1886—1975) — личность для Дальнего Востока примечательная. Здесь он молодым офицером служил накануне первой мировой, в годы гражданской войны с остатками белой армии вновь оказался на дальневосточных рубежах. Его фамилия фигурирует во многих отечественных и зарубежных исследованиях по истории гражданской войны на Востоке России. Он командовал одним из лучших соединений колчаковских войск — Ижевской дивизией.

Воспоминания В.М. Молчанова представляют собой интервью руководителю специального фонда исторической информации о русской революции и эмиграции Центра по изучению Восточной Европы и славистики Борису Раймонду, которое было записано на магнитофон в 1970 г. на русском языке, а через два года переведено и издано на английском языке отдельным текстом (Moltchanoff V.M. *The Last White General: An Interview by B. Raymond*. Berkely: Univ. of California, 1972. 132 p.). Затем воспоминания печатались в журнале «Первопроходник» (Лос-Анджелес) в феврале—августе 1974 г. Мемуары В.М. Молчанова охватывают период его жизни с раннего детства до первых дней эмиграции в США.

Советские историки, современные авторы и зарубежные специалисты рассматривали В.М. Молчанова прежде всего как активного участника гражданской войны, «последнего белого генерала». Неудивительно, что часть аудиоматериалов была внесена Б. Раймондом в печатный вариант в виде дайджеста, так как его в первую очередь интересовали события гражданской войны. Ему было важно нарисовать общую политическую (!) картину революции и гражданской войны, не касаясь частностей, в том числе и положения армии на Дальнем Востоке накануне первой мировой войны, хотя В.М. Молчанов, судя по аудиозаписи, останавливался на этом вопросе.

В 1997 г. хабаровские исследователи А.В. Балицкий и Ю.Н. Ципкин на основе английского печатного варианта проанализировали мемуары В.М. Молчанова как источник по истории гражданской войны и Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке¹, редакция журнала «Посев» начала публиковать их на страницах альманаха «Белая гвардия» под названием «Борьба на Востоке России и в Сибири».

Положение армии на востоке России накануне первой мировой войны и в первом, и во втором случаях не стало предметом исследования. Все это

говорит о необходимости восполнить пробел в истории Дальнего Востока и рассмотреть воспоминания В.М. Молчанова как источник, повествующий о положении армии на востоке России в этот период.

Данная статья подготовлена на основе аудиозаписи, запечатлевшей воспоминания В.М. Молчанова, которая находится в личной коллекции заведующего отделом современной истории Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова канд. ист. наук С.Н. Савченко. Вся дополнительная информация, сверка данных и комментарии проводились по английскому печатному варианту и другим источникам.

Викторин Михайлович Молчанов родился 23 января 1886 г. в семье чиновника в г. Чистополе Казанской губернии. Его отец возглавлял местный почтовый отдел и занимался строительством телеграфных линий. Жалованье отца было довольно высоким — 45 руб. в месяц. В 1904 г. В.М. Молчанов окончил Елабужское реальное училище и поступил в военное училище: на обучение в университете не хватало средств².

По окончании в 1906 г. Алексеевского военного училища (Москва) он был выпущен подпоручиком во 2-й Кавказский саперный батальон. На Кавказе ему приходилось неоднократно участвовать в подавлении беспорядков. В 1907—1908 гг. В.М. Молчанов принимал участие в пограничных столкновениях в Персии с шехсеванами. Вместе с ним тогда в военных действиях участвовал молодой кубанский казак А.Г. Шкуро, ставший известным в годы гражданской войны³.

23 августа 1908 г. Молчанова перевели во 2-й Восточно-Сибирский саперный батальон, который дислоцировался в с. Березовке, в 8 верстах от Верхнеудинска. В то время офицеры попадали на Дальний Восток по жребию. Во 2-м Кавказском саперном батальоне только двое вытянули подобный жребий. Офицеры, занимавшие в части какую-либо должность (адъютант, зав. хозяйством, начальник штаба и т.д.), не участвовали в подобных процедурах. Желающих было мало: в воинских частях на Дальнем Востоке отсутствовала дисциплина, войска пополнялись в основном проштрафившимися нижними чинами. Климат был довольно суровым. Одним словом — место каторги и ссылки. Но были и некоторые преимущества: срок службы считался два года за три, за службу в регионе в течение пяти лет выплачивалась прибавка к жалованью, быстрее происходило продвижение по чинам, определялись усиленные оклады и т.д. Кроме того, давались большие «прогонные», или «подъемные» деньги. Молчанову, например, выдали более тысячи рублей, в то время как перевозка всего багажа до нового места службы обошлась ему всего в 150 руб.

По прибытии он явился к командиру роты штабс-капитану Чернявскому, переведенному во время русско-японской войны из Московского гренадерского батальона. Тогда Молчанов был младшим офицером роты. Чернявский заявил новичку: «Вы, подпоручик, и не думайте соваться в роту. Роту обучают фельдфебель и унтер-офицеры. Вы не лезьте». Молчанов вспоминал: «Это был интересный батальон. Когда я приехал, он еще держался по военному составу. Все держалось как бы по мобилизации. Он мог двинуться куда угодно сразу.

Офицеры за все платили, ведь не было средств, государство было бедное. Солдат получал 50 копеек в месяц, потом — 75. Он табаку не мог купить, махорки. В первое время сахару не было. Мы, офицеры, у нас деньги есть, мы делимся с солдатами».

В батальоне была прекрасная библиотека для солдат. О русско-японской войне были книги на всех языках. Была недорогая чайная для солдат и лавочка, где продавались дешевые товары. В батальоне было много томичей, поэтому выписывали газеты из Томска.

Возможности культурных развлечений в провинции (особенно на Дальнем Востоке в начале XX в.) были весьма ограничены. В материальном отношении положение большинства офицеров было незавидным: оклады содержания совершенно не соответствовали дороговизне жизни. Для многих, служивших на периферии, такое бедственное положение трансформировалось

в слова злосчастной поговорки: «На такое жалование нельзя прожить, зато его можно пропить». Так оно и было в действительности.

Штабс-капитан Чернявский пьянствовал и ротой совершенно не занимался. Видя такое отношение начальства к своей службе, Молчанов сам решил заняться обучением роты. Он обратился к Чернявскому: «Мы должны учить солдат. Вы посмотрите: ни дисциплины нет, ничего. Что же мы будем здесь делать?» Отношения обострились. «В офицерском собрании Чернявский мне еле руку подает, видно, что он на меня зол». Однажды в ресторанчике тот в пьяном виде оскорбил Молчанова, назвав его «сукиным сыном», и пытался ударить своенравного подпоручика. В ответ прозвучал пистолетный выстрел, ранивший командира.

«Я сейчас же позвонил в госпиталь и командиру батальона. Вечером состоялся суд офицерской чести, который вынес постановление, что я поступил правильно, так офицеру нужно поступить в подобной ситуации. А Чернявский был лишен всех наград и исключен из военной службы. Изменить это решение мог только государь император», — рассказывал Молчанов.

Командир саперной бригады генерал Алексеев должен был предать Молчанова суду за «покушение на убийство своего непосредственного начальника». Это грозило каторжными работами, но по суду чести его оправдали. Приехал генерал и заявил: «...вы поступили правильно, но суд должен состояться, и вы получите наказание». Состоялся суд и приговорил подпоручика к 30 суткам ареста, а штабс-капитана отправили на три года в крепость.

После этого, следуя офицерской этике, Молчанов обратился к командиру батальона: «Мне неудобно оставаться в этом батальоне. Разрешите мне поговорить с генералом Алексеевым, командиром бригады». Комбат дал согласие. Молчанова перевели немного западнее, в 6-й Восточно-Сибирский саперный батальон (с 1910 г. 6-й Сибирский), в Иркутск. Командир, полковник А.А. Воронкевич, заявил, что знает и подпоручика, и нашу вешнюю историю «Имейте в виду, — сказал Воронкевич, — что здесь абсолютно все на вашей стороне. Я вас назначаю в роту, где скоро нужен будет заместитель, и вы можете быть этим заместителем, потому что капитан Николаев уже старик, не может справиться с ротой. Нужна дисциплина».

В 1910 г. Молчанов совместно с другим офицером получил задачу провести инструментальную съемку о-ва Ольхон, который предназначался для жительства прокаженных. Иркутский генерал-губернатор А.Н. Селиванов предполагал использовать остров для других целей. Офицеры сделали такую съемку и ознакомились с гидрографическими особенностями Байкала. Они узнали, какие трудности можно встретить при переходе озера зимой. (Все это пригодилось В.М. Молчанову через десять лет, когда благодаря его распорядительности остатки колчаковских войск сумели успешно пройти через Байкал и соединиться с частями атамана Г.М. Семенова).

В 1910 г. 6-й Сибирский батальон передислоцировали во Владивосток. Молчанова отправили квартирмейстером с командой 8 чел. узнать, где будет стоять часть. Оказалось, что на Русском острове. Впоследствии там базировались 9-я Сибирская стрелковая дивизия, саперный батальон, три крепостных артиллерийских полка, семь железобетонных фортов, на одном из которых Молчанов стал помощником начальника минной обороны.

По его словам, Владивосток в то время считался сильнейшей крепостью в мире. В огромных подземных тоннелях находились рефрижераторы, запасов, которые там хранились (мясо, сухари, консервы), хватило бы примерно на 100 тыс. чел., мясо получали из Австралии (огромные туши по 12 пудов). Оно ежегодно обновлялось. В крепости размещался минный батальон, который, если бы понадобилось, за два часа мог заминировать входы в Амурский и Уссурийский заливы.

В дни отдыха офицеры ходили в театр, в рестораны или в офицерские собрания. «Мы не смешивались с гражданскими, так как было мало возможностей завести друзей среди них», — вспоминал Молчанов. Не было единства и среди офицерского корпуса. После поражения в войне с Японией армейские

офицеры не хотели контактировать с представителями флота. Последних обвиняли в ужасной Цусимской катастрофе. С той и другой стороны звучали упреки, в отношениях царили отчужденность и озлобленность.

В основу изучения военного дела были положены уроки русско-японской войны. «Мы взяли на себя обязательную задачу, чтобы знать каждого солдата, женат ли он, есть дети, где отец и мать, откуда он происходит. Я знал своих 249 человек в роте всех»*, — продолжал автор воспоминаний⁴.

В саперных частях для всех солдат была обязательна грамотность, чего не отмечалось на самом деле**. С учетом малых сроков службы львиная доля времени у офицеров уходила на обучение нижних чинов грамоте⁵. Молчанов пишет: «Однажды мне дают пополнение 14 человек. И выходит, что у меня из 14 человек только 4 человека грамотные. Я подал рапорт о переводе их в другое место. Их взяли в пехоту, а мне прислали грамотных, но «негодных», прощтрафившихся солдат. Я их собрал и говорю:

— Ну, ребята, я знаю, почему вас оттуда отпустили так легко. Вас сюда назначали за ваши проступки, которые вы там делали. Смотрите, у меня не делайте этого. Вам некуда будет деваться. Вы попадете на каторжные работы. Сейчас я забуду, что у вас там. Заново начинайте службу у меня». Впоследствии все они стали отличными солдатами.

Менялись все уставы, методы и подходы к военному образованию. Каждый год один младший офицер из 6-го Сибирского саперного батальона отправлялся в гимнастическо-фехтовальную школу в Хабаровск, хотя во Владивостоке была такая же.

Все части на Дальнем Востоке готовились больше всего к войне. Маневры велись на две стороны: одна — «русские», другая — «японцы». Военные игры на картах происходили подобным образом. В 1912 г. Молчанов был условно «командиром японского саперного батальона» и направлен в Хабаровск, куда съехались не только представители из всех частей, но также генералы и офицеры Генерального штаба.

«От меня требовалось дать анализ, сколько я могу поставить таких-то людей, какие я могу выстроить за такое-то время окопы и т.п., и все это давать с вычислениями. Я ознакомился со всем делом. И вот тут я узнал: чтобы удерживать русским или японцам Хабаровск, необходимо взять станцию Ин, единственное место, где от Благовещенска не было никаких поворотных станций, не было никаких мастерских для починки паровозов, что мне пригодилось в гражданскую войну».

В 1906—1914 гг. армию невозможно было узнать. Наконец-то пришли к заключению, что нельзя воевать только количеством, что оборону (атаку) необходимо устраивать на индивидуальных соединениях. В офицерской среде началось брожение: почему мы проиграли русско-японскую войну? И никто не мог дать ответа, потому что задевала честь мундира высоких чинов. Стали усиленно учиться. Знаний, которые давали военные училища, было мало. Читали лекции, доклады. Если у офицера появлялась какая-то идея, он мог обратиться с этим к командиру, а тот должен был дать возможность довести эту идею до сведения других офицеров. Затем доклад делался в военном собрании и вкратце сообщался начальству.

«Была известная система, которая мне очень нравилась, так как мы действительно могли что-то сделать. Появилось время инициативы. Я считал это

* Это определялось 474-й статьей Свода военных постановлений 1869 г.: «Командир роты или эскадрона обязан знать лично всех нижних чинов, состоящих в роте или эскадроне, происхождение каждого из них, службу, поведение, характер и способности и постоянно иметь в виду достойнейших для замещения открывающихся в роте или эскадроне должностей».

** В отчете инспектора инженерной части Приамурского военного округа генерал-лейтенанта Червинова о проверке частей инженерных войск за 1912—1913 гг. отмечалось, что в 7-м Сибирском саперном батальоне из общего числа 168 молодых солдат грамотных было 37%, малограмотных 34% и неграмотных 29%. В 3-м Сибирском саперном батальоне молодых солдат в роты прибыло: грамотных 38%, малограмотных 37% и неграмотных 25%. Такой значительный процент неграмотных и малограмотных (62%), по словам Червинова, «весьма затрудняет обучение людей».

своеобразной «офицерской революцией», — отмечал Молчанов. Пришло время «младотурок». Так в определенных кругах накануне первой мировой войны называли патриотических молодых офицеров, которые хотели учиться и которым было стыдно, что Россия проиграла японскую войну.

С теплотой отзывался Молчанов об отдельных представителях высшего командования, которые всячески помогали «младотуркам». Среди них командующий Приамурским военным округом генерал П.А. Лечицкий*, «который в русско-японской войне командовал полком и дошел до того, что командовал первым корпусом в Петербурге, близко около Государя, и Государь его назначил на Дальний Восток главным»⁶. Или о генерале В.А. Ирмане. «Этот человек был, безусловно, стопроцентный русский. Прекрасный человек, прекрасный офицер, который мог повести за собой, а не такой «фон барон». Он, будучи комендантом Владивостокской крепости, приезжал в роты и часто оставался обедать с нижними чинами. Ел с ними щи и кашу». С симпатией вспоминал Молчанов и об эрудированном начальнике штаба крепости полковнике Генерального штаба (впоследствии генерале) А.П. Будберге, с которым судьба свела позднее на полях гражданской войны в Сибири.

Встречаются в воспоминаниях портреты других генералов. Например, А.Н. Нищенков (сменил В.А. Ирмана на посту коменданта Владивостокской крепости), который был известен тем, что «хорошо молился богу и иконы все знал, и если приезжал, то только об иконах солдат спрашивал». Есть несколько слов и о Н.П. Линевице, в 1903—1904 гг. командующем войсками Приамурского военного округа, а в годы русско-японской войны сменившем А.Н. Куропаткина на посту главнокомандующего войсками на Дальнем Востоке. Сам Молчанов уже не застал Линевица (умер 1908 г.) и повествует о нем со слов других лиц. Отдельные представители дальневосточного офицерства, служившие здесь по 10—15 лет, сохранили немало комичных историй о своем пожилом командующем, одну из которых приводит Молчанов.

«Линевиц — это, может быть, лично храбрый человек, но он абсолютно не годился для командования армией. Ему бы самому броситься в бой — это другое дело. А руководить армией он не мог. Он говорил своему начальнику штаба: «Остановитесь, остановитесь, нельзя же так много работать». А как-то вечером, прощаясь с чинами штаба, заявил:

- Спать ухожу. Ухожу в объятия Нептуна.
- Морфея, ваше высокопревосходительство.
- Все равно из одной мифологии.

Что касается политических убеждений офицерства, то Молчанов определял их следующим образом**»: «Мы были против всяческих социалистических влияний, за Государя Императора. Как было прежде: «За Веру, Царя и Отечество» + учиться. Мы жалели царя, что он окружен недостойными людьми. Многие не обвиняли его в поражении в войне с Японией. Обвинили военное министерство, которое должно было сделать все, чтобы подготовиться к войне и выиграть ее»⁷.

* Платон Алексеевич Лечицкий (1856—1923), генерал от инфантерии (1913). Участник Китайской кампании 1900 г. и русско-японской войны 1904—1905 гг. В.М. Молчанов ошибается: А.П. Лечицкий командовал не 1-м корпусом, а 1-й гвардейской дивизией, дислоцировавшейся в Петербурге. В 1910—1914 гг. являлся командующим войсками Приамурского военного округа.

** Известно, что В.М. Молчанов в революцию 1917 г. и в гражданскую войну декларировал свои политические взгляды как правые, монархические и, вероятно, невольно пытался проецировать их на весь офицерский корпус русской армии. Интересно отметить, что и другой представитель Белого движения А.И. Деникин, известный своими умеренно левыми взглядами, во многом соглашался с ним. Он был старше Молчанова на 14 лет. В то время как первый в описываемое время был поручиком, второй являлся полковником, т.е. стоял на несколько ступеней выше и имел возможность ознакомиться с картиной с высоты своего положения. Он отмечал, что «государственный строй был для большинства офицерства фактом predetermined, не вызывающим ни сомнений, ни разнотолков — «За Веру, Царя и Отечество». Отечество воспринималось горячо, как весь комплекс бытия страны и народа без анализа, без достаточного знания его жизни. Офицерство не проявляло особенного любопытства к общественным и народным движениям и относилось с предубеждением не только к левой, но и к либеральной общественности».

После того как 28 июня 1914 г. в Сараеве был убит племянник австрийского императора эрцгерцог Франц-Фердинанд, Европа вплотную приблизилась к мировой войне. Эхо сараевских выстрелов донеслось и до Приамурья. Летом 1914 г. штаб-капитан Молчанов и другие офицеры явственно ощутили приближение большой войны. За два дня до официального объявления войны он подал рапорт о переводе в действующую армию. Когда комендант Владивостокской крепости генерал С.С. Саввич узнал об этом, сразу же приказал отправить Молчанова под арест за распространение дезинформации. Но Германия и Австро-Венгрия действительно объявили войну России, а Молчанов продолжал сидеть на гауптвахте. Он вспомнил об одном случае своей молодости. Во время учебы в Алексеевском военном училище к юнкерам приехал на инспекцию великий князь Константин Константинович (главный начальник военно-учебных заведений), известный либерал. Увидев юнкера В. Молчанова, он спросил:

— А это что за холера? Что с тобой, больной, что ли?

— Ваше императорское высочество, да он у меня первый гимнаст, — ответил начальник училища.

— Нет, гимнаст гимнастом, но худой. Почему вы его плохо кормите? Давайте ему яйца и молоко!

Во время повторного посещения училища Константин Константинович спросил Молчанова:

— Ну, здравствуй, холера, как себя чувствуешь?

— Благодарю Вас, Ваше императорское высочество, ем яйца и пью молоко, хотя терпеть не могу молоко.

— Пей!

Бравый юнкер понравился великому князю, и на прощание он сказал*: «Когда будет плохо в жизни, напиши мне, я помогу»⁸. И вот случай представился. В канцелярию великого князя была отправлена телеграмма, которая заканчивалась следующими словами: «За то, что я хочу быть на войне и исполнять свой долг, меня сажают на 30 суток под арест. Помогите! Штаб-капитан Молчанов (холера)».

Через несколько дней командир батальона полковник А.А. Воронкевич сообщил Молчанову, что из канцелярии Константина Константиновича в штаб Приамурского военного округа пришла телеграмма с вопросом, когда названный штаб-капитан будет отправлен на театр военных действий. Генерал Саввич был в бешенстве.

«Все мы, офицеры, стремились на войну, боялись, что она скоро окончится, и не будешь на войне. И я поэтому-то старался выбраться скорее и поехал не со своей ротой, а попал совершенно другой ротой командовать**», объяснял он⁹. 28-летний штаб-капитан В.М. Молчанов*** отправился проливать

* В этой связи интересна позиция Б.М. Шапошникова (1882—1945), известного маршала Советского Союза, который в 1901—1903 гг. также проходил службу в Алексеевском военном училище. Он вспоминал, что великий князь Константин Константинович один раз приезжал на инспекцию в училище и отмечал, что тот «имел претензию на большую память на лица», но «непривычное для нас обращение на «ты», боязнь подать кому-либо руку, высокомерие и дутый либерализм великого князя Константина Константиновича вызывали у нас если не озлобление, то, во всяком случае, скептическое к нему отношение».

** Картина патриотического подъема дальневосточного офицерства подтверждается документально. Например, в приказе № 538 от 2 августа 1914 г. по войскам Приамурского военного округа сообщалось, что командующий Приморским драгунским полком полковник Чеславский в порыве патриотических чувств обратился к цесаревичу Алексею Николаевичу с ходатайством о назначении полка в действующую армию, за что получил от временно командующего округом генерала Л.Л. Сидорина выговор за обращение к вышестоящей инстанции без уведомления непосредственного начальства.

*** Поручик Б.Б. Филимонов, воевавший с В.М. Молчановым на полях гражданской войны, автор работ «Белоповстанцы», «Белая армия адмирала Колчака» и др. сообщает, что тот отправился на фронт в звании поручика (Филимонов Б.Б. «Белая армия адмирала Колчака». М., 1997. С. 121). Сам же Молчанов указывает — штаб-капитаном. Единственное, что удалось выяснить документально: в приказе № 101 от 20 февраля 1913 г. по войскам Приамурского военного округа В.М. Молчанов проходил еще поручиком. (Приказы по войскам Приамурского военного округа за 1913 г. // ГАХК. Научно-справочная библиотека. Инв. № 1533.

кровь «за Веру, Царя и Отечество» на полях первой мировой войны. Описание Молчановым военных действий, побед и поражений, которые неотступно следовали за страной, постепенное революционизирование армии, крушение фронта и тыла и, наконец, падение монархии в России, — все это тема отдельного источниковедческого анализа.

Таким образом, воспоминания В.М. Молчанова, несмотря на субъективизм, фрагментарность, пропуски и искажения за давностью лет ряда фактов, вносят вклад в освещение различных аспектов положения русской армии на Дальнем Востоке и обогащают отечественную историческую науку.

¹ Балицкий А.В., Ципкин Ю.Н. Воспоминания генерала В.М. Молчанова как источник по истории гражданской войны и Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Материалы междунар. конф. Владивосток, 1997. С. 64—68.

² Moltchanoff V.M. The Last White General. Berkely, 1972. P. 1.

³ Шкуро А.Г. Записки белого партизана. М., 1991. С. 12.

⁴ См.: Свод военных постановлений 1869 года. Кн. 5, 6. СПб., 1891. С. 840.

⁵ См.: Приказы по войскам Приамурского военного округа за 1913 г. // ГАХК. Научно-справочная библиотека. Инв. № 1533. Приложение к приказу №824 от 12 декабря 1913.

⁶ Залесский К.А. Первая мировая война: правители и военачальники // Биографический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 142—143.

⁷ Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1990. С. 52—53.

⁸ Шапошников Б.М. Воспоминания: Военно-научные труды. М., 1974. С. 72—73.

⁹ Приказы по войскам Приамурского военного округа за 1914 г. // ГАХК. Научно-справочная библиотека. Инв. № 1533.

SUMMARY. “The Russian Army on the Eve of the World War I in the Memoirs of staff-captain V.M. Molchanov”, the article by Y.A. Pavlov, represents the evidences of “the last white general” as a source for studying the history of the Russian army in the East of Russia during the first decades of the last century.